

УДК1(47)
ББК87.3(2)522-685

Игорь Иванович Евлампиев

Санкт-Петербургский государственный университет, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры русской философии и культуры, Россия, Санкт-Петербург, e-mail: yevlampiev@mail.ru

Владимир Соловьёв – великий гностический мыслитель¹

Аннотация. Рассматривается известная негативная оценка философии Владимира Соловьёва, связанная с тем, что он развивал идеи немецкой философии XIX века, а не шел по пути создания «православной» философии. В рамках предположения о существовании с середины II века двух интерпретаций учения Иисуса Христа – гностической и ортодоксальной, доказывается, что в истории европейской философии от Оригена до Шопенгауэра преобладала традиция мистического пантеизма, основанная на гностическом христианстве, никакой «строго православной» философии в истории не было и, как показывает попытка ее построения, предпринятая в начале XX века С.Н. Булгаковым, она невозможна в силу несовместимости догматической системы церкви с содержательной философией. Сделан вывод о том, что главная заслуга Соловьёва заключается в последовательном развитии современной модели мистического пантеизма, начало которой положили немецкие философы XIX века (Шеллинг, Шопенгауэр и др.), с учетом оригинальных интерпретаций неискаженного, гностического христианства в русской философии (Достоевский, Толстой).

Ключевые слова: мистический пантеизм Владимира Соловьёва, неискаженное христианство, гностицизм, православная философия, мистический пантеизм

Igor Ivanovich Evlampiev

Saint-Petersburg State University, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Russian Philosophy and Culture, Russia, Saint-Petersburg, e-mail: yevlampiev@mail.ru

Vladimir Solovyov – great Gnostic thinker

Abstract. The article examines the well-known negative assessment of the philosophy of Vladimir Solovyov, associated with the fact that he developed the ideas of German philosophy of the 19th century, and did not follow the path of creating “Orthodox philosophy”. Within the framework of the assumption that since the middle of the 2nd century there were two interpretations of the teachings of Jesus Christ – Gnostic and Orthodox, it is proved that in the history of European philosophy from Origen to Schopenhauer, the tradition of mystical pantheism based on Gnostic Christianity absolutely prevailed. There was no “strictly Orthodox” philosophy in history, and, as shown by the attempt to build it, undertaken at the beginning of the twentieth century by S.N. Bulgakov, it is impossible due to the incompatibility of the dogmatic system of the church with meaningful philosophy. It is concluded that Solovyov’s main merit

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479>, Санкт-Петербургский государственный университет. This study was funded by Russian Science Foundation, project number 24-18-00479, <https://rscf.ru/project/24-18-00479>, Saint Petersburg State University.

lies in the consistent development of the modern model of mystical pantheism, which was started by German philosophers of the 19th century (Schelling, Schopenhauer, etc.), taking into account the original interpretations of undistorted, Gnostic Christianity in Russian philosophy (Dostoevsky, Tolstoy).

Key words: The mystical pantheism of Vladimir Solovyov, undistorted Christianity, Gnosticism, Orthodox philosophy, mystical pantheism

DOI: 10.17588/2076-9210.2024.3.068-075

Из всех критических суждений, звучащих в адрес философии Владимира Соловьева, наиболее принципиальным является утверждение о том, что он в своих построениях ориентировался на западную (немецкую) философию и не пытался идти по тому пути создания «православной» философии, который задали славянофилы. Это обвинение высказывалось уже при жизни мыслителя, в последние десятилетия его настойчиво повторял С. Хоружий².

Этот главный тезис критиков Соловьева был бы оправдан, если бы мы ясно понимали, что такое «православная» философия. На деле она существует только в воображении тех, кто об этом пишет. Если говорить о самых известных представителях славянофильства, А. Хомякове и И. Киреевском, то будучи в бытовой стороне жизни православными, церковными людьми, в своих теоретических построениях они ориентировались почти исключительно на немецкую философию своей эпохи – прежде всего на Фихте и Шеллинга, и этот факт всегда был совершенно очевиден для профессионалов в области философии³. Утверждая необходимость создания некоей новой философии, основанной на святоотеческом наследии, Хомяков и Киреевский на деле не очень хорошо понимали, что представляет собой это наследие. Основные сведения о нем они брали из французских и немецких исследований, а не из оригинальных источников, которые в большинстве своем в первой половине XIX века еще были плохо известны в России.

Современный уровень исследований ранней христианской философии позволяет утверждать, что никакой единой святоотеческой традиции в философии и богословии первых веков христианства не было, это утверждение является мифом, защищаемым церковными идеологами ради доказательства своих уникальных прав на христианскую Истину. В реальности начиная со II века мы видим ожесточенную борьбу двух трудно совместимых версий христианства – гностической и ортодоксальной, причем драматизм этой борьбы и ее итогов был связан с тем, что именно гностическая версия, которую историческая церковь объявила ересью и жестоко преследовала на протяжении всей истории, была исходной, первоначальной, т.е., иначе говоря, сам Иисус Христос был великим гностическим мыслителем. Его подлинное учение наиболее полно отражено в Евангелии от Иоанна и извест-

² См.: Владимир Соловьев и будущее русской философии (материалы международного «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 94–116 [1].

³ См.: Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. С. 538 [2]; Флоренский П.А. Около Хомякова (Критические заметки) // Флоренский П.А. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 295 [3].

нейшем апокрифе – Евангелии от Фомы, синоптические же евангелия были созданы в Римской церкви в середине II века для оправдания искаженной, иудеизированной версии учения⁴. Хотя церковь победила в своей борьбе с верными учениками Христа и наложила запрет на его подлинное учение, ее идеологи были по своему интеллектуальному уровню настолько ниже своих противников, что очень долго не могли дать сколько-нибудь содержательного богословско-философского изложения своей версии христианского учения. В результате вплоть до V века самые известные богословы и философы были сторонниками неискаженного, первоначального христианства, делая вид, что придерживаются ортодоксального учения.

Эта ситуация предельно наглядна уже в отношении Оригена, подлинного родоначальника христианской философии (его непосредственными предшественниками были Валентин и Василид, но их труды до нас не дошли). Вынужденный постоянно и нарочито повторять слова о согласии своего учения с позицией церкви, он в своем главном трактате «О началах» создает образцовую гностическую систему, построенную на двух принципах: во-первых, на пантеистическом понимании отношения Бога к эмпирическому миру и, во-вторых, на полагании некоего «темного начала» в Боге, загадочного «дефекта» божественной сущности – объективация этого начала в тварном мире приводит к тому, что мир оказывается не полностью подчиненным воле Бога, а разумные существа в нем обладают полнотой свободы, т.е. сами выбирают – двигаться им к Богу или от него (к ничто). Все последующие оригинальные мыслители, вплоть до начала VI века, ориентировались на наследие Оригена и создавали в той или иной степени последовательные гностические системы, соответствующую философскую традицию сейчас принято называть *мистическим пантеизмом*. Только после осуждения «оригенизма» как ереси на Александрийском соборе 399 года и упорной борьбы церкви с последователями Оригена в течение всего V века ситуация стала меняться и возникла угроза полного забвения подлинного учения Христа. Для его спасения группой талантливых мыслителей (Иоанн Скифопольский, Иоанн Филопон, Стефан бар Судайли и др.) была предпринята акция по возрождению и легализации гностической традиции через умелую литературную мистификацию: они выдали трактаты, написанные кем-то из их круга, за сочинения легендарного христианского мыслителя I века Дионисия Ареопагита⁵. Мистификация оказалась удачной: на протяжении многих веков имя святого Дионисия «прикрывало» гностическое содержание трактатов Ареопагитского корпуса, в результате традиция мистического пантеизма благополучно развивалась внутри ортодоксального богословия. Именно опора на Ареопагитику позволила в дальнейшем таким выдающимся мыслителям, как Иоанн Скот Эриугена, Мейстер Экхарт, Николай Кузанский, создать оригинальные гностические системы и тем самым сохранить подлинное, неискаженное христианство в истории.

Влияние гностической традиции в европейской культуре XIV–XVI веков стало настолько значительным, что она оказала воздействие на еврейские общины и их иудейскую религиозность (вероятно, через движение катаров)⁶. В результате в

⁴ См.: Евлампиев И.И. Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб.: ЦСО, 2024. С. 17–127 [4].

⁵ Там же. С. 473–503.

⁶ См.: Sholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. New York: Schocken Books, 1961. P. 60–80; 244–286 [5].

эту эпоху в иудаизме возникла собственная и очень радикальная гностическая традиция в форме каббалистического учения. Это учение стало новой образцовой версией гностической модели мироздания, поэтому христианские мыслители стали активно использовать его для разработки окончательной версии философии мистического пантеизма. Первым пропагандистом каббалы стал Дж. Пико дела Мирандола, затем важнейшие принципы этого учения использовал в своей системе Я. Бёме, а после него каббала стала естественной частью всех мистико-пантеистических систем немецкой философии, вплоть до Ф. Баадера и Шеллинга.

Таким образом, традиция мистического пантеизма (гностического христианства), у истоков которой находится Ориген, является безусловно главной линией развития европейской христианской философии, и на ее фоне собственно ортодоксальные мыслители, будь они католики, православные или протестанты, выглядят бледно и неубедительно. В этом смысле утверждение, что нам нужно развивать «строго православную» философию, можно объяснить либо плохим знанием истории философии, либо очень тенденциозным отношением к ней. Можно добавить к этому, что за последние полтора столетия были сделаны попытки построения «строго православной» философии (последняя принадлежит С. Хоружему) и их весьма бедные результаты доказывают, что такой философии просто не может существовать. Наиболее показательны работы С.Н. Булгакова. В предисловии к книге «Свет Невечерний» он поставил задачу построить философию в рамках догматической системы православия, но так и не создал ее, более того, в книге «Трагедия философии» констатировал, что *это невозможно*: философ в бескомпромиссном движении своей свободной мысли неизбежно выходит за рамки догматов.

Возвращаясь к Соловьеву, нужно напомнить, что он великолепно знал историю философии и богословия, поэтому истина о том, что в европейской философии (в том числе, в ее святоотеческой части) единственной последовательной и содержательной традицией была та, которая связана с гностическим христианством, была ему прекрасно известна⁷. И он опирался именно на нее, а не на поверхностно-наивные сочинения «отцов церкви», строго приверженных догме, таких как Иринея Лионский, Тертуллиан, Афанасий Александрийский, Епифаний Кипрский и др. Показательно, что в статье для Энциклопедического словаря Брокгауза и Эфрона, посвященной Валентину, основоположнику гностико-христианской философии, Соловьев характеризует его словами «один из гениальнейших мыслителей всех времен»⁸. Столь же высоко Соловьев оценивает Оригена. В этом контексте также важно внимание Соловьева к каббале, которую он подробно и со знанием дела описывает в энциклопедической статье и понятия и концепции которой использует в своей философии; характерна его мысль о грядущем со-

⁷ Б.В. Межуев совершенно правильно констатирует, что Соловьев понимал истинное христианство не совпадающим с историческим христианством, в качестве «некоего не реализованного в истории принципа», который может преобразить мир, однако исследователь почему-то не рискует прямо сказать, что этим «принципом» была гностическая традиция, получившая капитальное развитие в европейской философии (см.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 11 [6]).

⁸ См.: Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. С. 3 [7].

единении христианства и иудаизма, это, конечно, возможно и естественно только в отношении гностических версий двух религий. Ярким доказательством его принадлежности к гностической традиции является небольшая работа (исходно речь) «Об упадке средневекового мирозерцания» (1891 г.), которую Соловьев, вероятно, только по цензурным соображениям не назвал «Об упадке христианского мирозерцания», имея в виду христианство церкви, ортодоксальное христианство.

Все основные слагаемые собственной системы Соловьева точно соответствуют метафизике мистического пантеизма и учению гностического христианства. Возьмем для примера концепцию творения. Хотя церковные историки утверждают, что уже к V–VI векам была создана последовательная догматическая концепция творения мира Богом из ничего, в реальности такой концепции не существует, и она в принципе невозможна в рамках тех положений, на которых построено догматическое учение⁹. По-настоящему последовательная философская теория происхождения мира из Бога (Абсолюта) есть только в гностической традиции, и она основана на идее рационально необъяснимого, спонтанного (по сути, «случайного») возникновения в Боге области ограниченного, несовершенного бытия, причиной которого является тот самый «дефект», полагание которого в Боге является одним из двух главных принципов этой традиции. Именно эта логика присутствует в «Чтениях о Богочеловечестве»: мир, утверждает Соловьев, есть результат «недолжной» реализации свободы метафизических существ, составляющих божественное целое. Но сама возможность такой «недолжной» реализации свободы существами (точнее, их совокупностью, имеющей личную форму Софии) заложена в сущности Бога, и значит, это и есть некий «дефект» в божественной сущности, объективация которого приводит к «деградации» Бога до состояния эмпирического мира. Эта соловьевская модель возникновения мира точно соответствует содержанию известных систем мистического пантеизма (особенно наглядно ее совпадение с системой самого радикального гностического последователя Оригена IV века Евагрия Понтийского). Нетрудно заметить сходство этой модели и с каббалистической концепцией *цимрум*, согласно которой Бог-Абсолют, понимаемый как абсолютный свет, заполняющий все (Эйн-соф), «удаляет» себя из некоторой области, обретающей статус ничто и поэтому допускающей в себе творение конечного, эмпирического бытия.

Можно было бы и в отношении других слагаемых философии Соловьева показать совпадение с соответствующими принципами гностической традиции.

Таким образом, Соловьев, великолепно ориентируясь в истории европейской философии и прекрасно зная новейшие ее достижения, ставил перед собой именно ту задачу, которую и должен ставить мыслитель его уровня, – продолжать развитие той единственной плодотворной традиции, которая проходит через всю историю европейской цивилизации и заканчивается в XIX веке системами Фихте, Шеллинга, Гегеля и Шопенгауэра. С самого начала своего творческого пути Соловьев хорошо понимал, что есть только один путь к Истине, это показывают первые наброски, которые он сделал для своей будущей системы¹⁰. «Бог есть все. Все становится Богом» – этот исход-

⁹ См. об этом подробнее: Надеина Д.А., Евлампиев И.И. Проблема происхождения и сущности ничто в христианской концепции творения мира Богом // История философии. 2024. № 1. С. 17–28 [8].

¹⁰ См.: Соловьев Вл. <Бог есть всё. Всё становится Богом> // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 19–38 [9].

ный тезис Соловьева точно выражает суть мистического пантеизма. Рукопись раннего сочинения, написанного в форме беседы философа с Софией, показывает, что Соловьев хорошо знал не только философские обработки гностического христианства, но и базовый гностический миф, в котором главным персонажем является София. Вся последующая философская деятельность Соловьева вполне последовательно развивает эти исходные установки. Только в силу постоянной опасности цензурных запретов он использует понятия «церкви», «христианства», «теократии» и другие. в таком общем смысле, что их можно понять как выражение ортодоксальных представлений, в реальности они несут совсем иное содержание. Лишь в конце 1890-х годов с Соловьевым происходит странная метаморфоза: он резко отказывается от прежних убеждений и сближается с церковным учением.

Трудно признать справедливыми утверждения Б.В. Межуева о том, что Соловьев породил какие-то новые направления в русской философии¹¹. Два из упомянутых исследователем направлений – неолейбницианство и экзистенциализм – выглядят искусственными применительно к русской философии, а третье – философия всеединства – это другое название для традиции мистического пантеизма, существовавшей в европейской философии от Николая Кузанского до Шеллинга и Шопенгауэра (именно Шеллинг ввел термин «всеединство» и разъяснил правильное понимание пантеизма как представления о пребывании всех вещей в Боге, а вовсе не как тождества мира и Бога). В русской философии вполне последовательную концепцию всеединства предложил уже П. Чаадаев. Несмотря на свою лаконичную форму, она носит вполне системный характер. Подлинная заслуга Соловьева заключается не в том, что он что-то новое «основал» в русской философии, а в том, что он точно выразил ту современную форму мистического пантеизма, которую начали разрабатывать немецкие мыслители XIX века, и очень удачно соединил ее с теми оригинальными версиями учения гностического христианства, которые представили в своем творчестве русские мыслители XIX века, в первую очередь два главных из них – Достоевский и Толстой. Единство религиозных и философских воззрений трех главных русских мыслителей является принципиальным для понимания творчества каждого из них, но в первую очередь – для понимания творчества Соловьева.

Особенно важно правильно оценить отношение Соловьева к Толстому, поскольку именно Толстой в наиболее прямой и резкой форме, не боясь цензурных запретов и преследований, выразил главную тенденцию всей русской религиозной мысли – стремление восстановить подлинное учение Христа вопреки многовековому диктату церкви, радикально искажившей это учение. Соловьев был знаком с Толстым с 1874 года, и при всей сложности отношений этих людей, обладавших чрезвычайно разными характерами и жизненными устремлениями, они были абсолютно едины в главной тенденции своих религиозных исканий. Наиболее показательным для нашей темы является возникшее у Соловьева в середине 1894 года желание издать сборник выдержек из религиозно-нравственных произведений Толстого под заглавием «Критика лже-христианства, из сочинений Льва Толстого». В письме, посвященном этому замыслу, Соловьев называет Толстого «дорогим

¹¹ См.: Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». С. 8.

другом» и «наставником в деле нравственной жизни»¹². Такое его отношение к своему старшему современнику выглядит вполне естественным, гораздо менее естественно и понятно радикальное изменение взглядов Соловьев в последние годы жизни, приведшее его к отречению от всей своей прежней системы и сближению с ортодоксальным христианством. Но этот поворот, на наш взгляд, нужно понимать как следствие личного жизненного кризиса Соловьева¹³, нарушившего естественное развитие его мысли. Крайне негативный образ Толстого, который Соловьев создает в своей последней большой работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории», явно выходит за рамки этически допустимого. Такая форма критики не может быть оправдана даже в отношении идейного противника, использование ее по отношению к человеку, с которым Соловьева связывали на протяжении 25 лет почти дружеские отношения, свидетельствует о каких-то процессах в сознании мыслителя, которые не имеют отношения к сфере идей¹⁴. Соответственно, эту кризисную работу невозможно признать сколько-нибудь значимой для окончательных оценок философии Соловьева.

Детальное развертывание системы мистического пантеизма с ясным осознанием ее как философской формы неискаженного, гностического христианства является, на наш взгляд, абсолютно главным достижением Соловьева, остающимся актуальным и в наши дни, – ведь мыслитель ясно показал, что пока первоначальное, неискаженное христианство не вернется в нашу жизнь, европейскому человечеству не удастся остановить процесс духовной деградации, происходящий с ним в последние столетия именно в силу ложного понимания своего отношения к Богу.

Список литературы

1. Владимир Соловьев и будущее русской философии (материалы международного «круглого стола») // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 94–116.
2. Чичерин Б.Н. История политических учений. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГА, 2008. 732 с.
3. Флоренский П.А. Около Хомякова (Критические заметки) // Флоренский П.А. Соч. в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 278–336.
4. Евлампиев И.И. Неискаженное христианство и его судьба в европейской истории. СПб.: ЦСО, 2024. 808 с.
5. Sholem G. Major Trends in Jewish Mysticism. New York: Schocken Books, 1961. 484 p.
6. Межуев Б.В. «Он видел особую миссию русского народа». Почему философ Владимир Соловьев считал, что Россия объединит все человечество? // Соловьёвские исследования. 2024. Вып. 1(81). С. 7–19.
7. Философский словарь Владимира Соловьева. Ростов-н/Д.: Феникс, 1997. 464 с.
8. Надеина Д.А., Евлампиев И.И. Проблема происхождения и сущности ничто в христианской концепции творения мира Богом // История философии. 2024. № 1. С. 17–28.
9. Соловьев Вл. <Бог есть всё. Всё становится Богом> // Соловьёвские исследования. 2019. Вып. 2(62). С. 19–38.

¹² См.: Переписка Л.Н. Толстого с В.С. Соловьёвым // Литературное наследство. Т. 37/38: Л.Н. Толстой. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 274–275 [10].

¹³ См. об этом подробнее: Евлампиев И.И. История русской метафизики в XIX–XX веках. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. С. 319–348 [11].

¹⁴ Вероятно, прав Г. Флоровский, который охарактеризовал состояние Соловьева в эту последнюю эпоху его жизни как «мистический испуг»: Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMKA-Press, 1937. С. 466 [12].

10. Переписка Л.Н. Толстого с В.С. Соловьевым // Литературное наследство. Т. 37/38: Л.Н. Толстой. Ч. II. М.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 268–276.
11. Евлампиев И.И. История русской метафизики XIX–XX веков. Русская философия в поисках Абсолюта. СПб.: Изд-во РХГА, 2020. 920 с.
12. Флоровский Г. Пути русского богословия. Париж: YMKA-Press, 1937. 504 с.

References

(Sources)

Collected Works

1. Florenskiy, P.A. Okolo Khomyakova (Kriticheskie zametki) [About Khomyakov (Critical Notes)], in Florenskiy, P.A. *Sochineniya v 4 t., t. 2* [Works in 4 vols., vol. 2]. Moscow: Mysl', 1996, pp. 278–336.
2. *Filosofskiy slovar' Vladimira Solov'eva* [Philosophical Dictionary of Vladimir Solovyov]. Rostov-on-Don: Feniks, 1997. 464 p.
3. Perepiska L.N. Tolstogo s V.S. Solov'evym [Correspondence of L.N. Tolstoy with V.S. Solovyov], in *Literaturnoe nasledstvo. T. 37/38: L.N. Tolstoy. Ch. II* [Literary Heritage. Vol. 37/38: L.N. Tolstoy. Part II]. Moscow: Izdatel'stvo AN SSSR, 1939, pp. 268–276.

Individual Works

4. Chicherin, B.N. *Istoriya politicheskikh ucheniy. T. 2* [History of political doctrines. Vol. 2]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2008. 732 p.
5. Florovskiy, G. *Puti russkogo bogosloviya* [Paths of Russian Theology]. Paris: YMKA-Press, 1937. 504 p.
6. Solov'ev, Vl. <Bog est' vse. Vse stanovitsya Bogom> [<God is everything. Everything becomes God>], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2019, issue 2(62), pp. 19–38.

(Articles from Scientific Journals)

7. Mezhuev, B.V. «On videl osobuyu missiyu russkogo naroda». Pochemu filosof Vladimir Solov'ev schital, chto Rossiya ob'edinit vse chelovechestvo? [“He saw a special mission of the Russian people”. Why did philosopher Vladimir Solovyov believe that Russia would unite all of humanity?], in *Solov'evskie issledovaniya*, 2024, issue 1(81), pp. 7–19.
8. Nadeina, D.A., Evlampiev, I.I. Problema proiskhozhdeniya i sushchnosti nichego v khristianskoy kontseptsii tvoreniya mira Bogom [The problem of the origin and essence of nothing in the Christian concept of the creation of the world by God], in *Istoriya filosofii*, 2024, no. 1, pp. 17–28.
9. Vladimir Solov'ev i budushchee russkoy filosofii (materialy mezhdunarodnogo «kruglogo stola») [Vladimir Solovyov and the Future of Russian Philosophy (materials of the international round table)], in *Voprosy filosofii*, 2024 no. 2, pp. 94–116.

(Monographs)

10. Evlampiev, I.I. *Istoriya russkoy metafiziki v XIX–XX vekakh. Russkaya filosofiya v poiskakh Absolyuta* [History of Russian metaphysics in the 19th–20th centuries. Russian philosophy in search of the Absolute]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo RKhGA, 2020. 920 p.
11. Evlampiev, I.I. *Neiskazhennoe khristianstvo i ego sud'ba v evropeyskoy istorii* [Undistorted Christianity and its fate in European history]. Saint-Petersburg: TsSO, 2024. 808 p.
12. Sholem, G. *Major Trends in Jewish Mysticism*. New York: Schocken Books, 1961. 484 p.